

Светлана Салова
Уфа (Россия)

„Свое” – „чужое”: механизм „склонения на русские нравы” в притчах А. П. Сумарокова

Отечественное литературоведение последних десятилетий, к сожалению, практически утратило интерес к притчевому наследию А. П. Сумарокова. Безоговорочное, давно ставшее сакраментальным признание его заслуг как основоположника национальной басенной традиции и создателя структурного канона басенного жанра, казалось бы, вполне оправдывает новейших исследователей, переключивших свое преимущественное внимание на изучение поэзии и драматургии этого чрезвычайно плодовитого русского классициста. Сложившаяся ситуация выглядит вполне закономерной еще и потому, что по сей день остаются непреложными постулаты о сатирическом характере и острой публицистичности сумароковской притчи, сердито и резко обличающей негативные реалии тогдашней российской действительности. До сих пор не утратило своего аксиоматического статуса мнение одного из ее первых исследователей – Н. Булича, решительно утверждавшего, что «в басне Сумарокова гораздо больше отражается русское содержание того времени, нежели у позднейших баснописцев – им современное»¹.

Между тем, несмотря на кажущуюся исчерпанность и детальную проработанность, проблема национальной характерности весьма внушительного массива стихотворений, составивших шесть книг *Притчей* Сумарокова, еще далека от окончательного разрешения. В возобновлении углубленного исследования нуждается, в частности, успешно апробированный здесь основной механизм семантической трансформации и культурно-языковой перекодировки заимствованных басенных фабул. Это означает, в свою очередь, насущную необходимость выявить по возможности весь ареал тактических

¹ Н. Булич, *Сумароков и современная ему критика*, Санкт-Петербург 1854, с. 131.

приемов, плодотворное использование которых позволило поэту придать своим притчам своеобразный национальный колорит и животрепещущую идеологическую злободневность. Едва ли не перво-степенный интерес представляет в данном случае их тщательное рассмотрение в контексте проблематики «склонения на русские нравы» как наиболее значимой для духовной культуры России второй половины XVIII столетия.

Заметим попутно, что отечественное литературоведение сравнительно недавно отказалось от господствовавшей некогда «косной» (выражение В. Н. Топорова) традиции квалифицировать проблематику «склонения» как явление второстепенное, стоящее вне большой литературы и потому имеющее отношение лишь к так называемой «низовой» литературе, предназначенной почти исключительно для демократической читательской аудитории. Преодолев застарелую инерцию пренебрежительного оценивания проявлений русификации, новейшие исследователи справедливо относят данный феномен к разряду интереснейших и весьма существенных для истории художественной жизни в России 2-ой половины XVIII века. Более того, в настоящее время возобладало осознание того, что именно феномен «склонения на русские нравы» определил один из основных механизмов русского Просвещения в целом.

Исключительную методологическую значимость в ракурсе обозначенной темы сохраняет статья В. Н. Топорова «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения, автор которой убедительно вписал в историю русской Goldsmithiana'ы комедию Д. И. Фонвизина *Недоросль*. Особо пристального внимания заслуживают в ней те небольшие специальные фрагменты, где выявляются глубинные интерсемиотические корни проблематики «склонения» с попутным указанием на ее непосредственное отношение к семиотической прагматике:

Нервом этой, казалось бы, чисто литературной проблемы нужно считать укорененную в ней «интерсемиотичность» (театр – литература, искусство – жизнь, «свое» – «чужое» и т.п.). Не менее важно, что поле действия этой интерсемиотичности – текст, точнее пара ставящихся друг другу в соответствие текстов – «чужой» на входе и условно соответствующий ему «свой» на выходе. Разница между этими «соответствующими» текстами фиксирует сознаваемый «здесь и теперь» сдвиг между «чужой» и «своей» культурами и, следовательно, может пониматься как определенный культурный индекс, суд «своей» культуры перед лицом «другой» культуры, самооценка, предполагающая

не абсолютные, но относительные критерии, акт самоопределения перед лицом другого и, значит, осознания своей специфики².

Весьма симптоматичной выглядит при этом представленная в статье В. Н. Топорова точка зрения на предысторию и микроконтекст феномена «преложения», активно заявившего о себе в русской литературе начиная с 60-х годов XVIII века. Разделяя общепринятое мнение, основную заслугу в выдвигании теории «склонения на русские нравы» исследователь приписывает В. И. Лукину, воспринимаемому в качестве дальновидного, «бесспорно, сильного» теоретика так называемой «новой драмы», «трезвого и расчетливого тактика» и к тому же «достаточно удачливого автора-практика»³. Однако подобная позиция, вполне традиционная и для новейшего отечественного литературоведения, на наш взгляд, вовсе не является бесспорной и требует серьезной корректировки. Полагаем, что имеются достаточно веские основания усомниться в правомерности сложившегося обыкновения индексировать «прелогательную» концепцию исключительно именем В. И. Лукина, несправедливо игнорируя при этом экспериментаторскую по духу художественную практику А. П. Сумарокова, во многом подготовившую и предвосхитившую лукинскую теорию «новой драмы».

Несомненный приоритет общепризнанного жанрового универсалиста в данной области подтверждают, в частности, первые две книги его *Притчей*, в которых поэт успешно апробировал инновационную для тогдашней словесности тактику русификации традиционных басенных фабул и придания отчетливого национального колорита притчам на оригинальный авторский сюжет. Следует лишний раз подчеркнуть, что при изучении механизма русификации традиционной басенной фабулы и превращения ее тем самым в притчу из русской жизни вопрос о хронологии и степени оригинальности примененной Сумароковым тактики «склонения» оказывается далеко не праздным. Вот почему наше преимущественное внимание привлекут примеры ее использования в стихотворениях, вошедших в первую и вторую книгу *Притчей* Сумарокова, изданных в июле 1762 года с посвящением наследнику престола цесаревичу Павлу Петровичу, но подготовленных, как известно, несколько ранее, еще в 1760 году (третья книга вышла в 1769 году).

² В.Н. Топоров, «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения (об одном источнике фонвизинского «Недоросля», [в:] *Текст – культура – семиотика нарратива: Труды по знаковым системам. XXIII*, Тарту 1989, с. 107.

³ Там же, с. 107-108.

«Русификаторская» тактика Сумарокова в жанре притчи эпизодически уже подвергалась анализу⁴, но, насколько нам известно, еще практически не исследовалась с семиотической точки зрения, как манифестирующая на пространстве отдельного жанра некую универсальную модель «прелагательной» и при этом национально ориентированной актуализации исходного, матричного материала. О принципиальной важности для Сумарокова проблематики «склонения» недвусмысленно свидетельствует часто цитируемая исследователями притча *Змея и Мужик*, автор которой с предельной четкостью и подчеркнутой настойчивостью декларировал свою программную установку на национальную перекодировку традиционных фабул:

Замерз червяк: мороз был его Русской,
 Не Греческой и не Французской,
 Не Римской; в истинну мороз был ето Русской:
 Пусть Федр о том писал, Делафонтен, Есоп:
 Застыл у червяка и хвост и лоп;
 Так Русской был мороз...⁵.

Совершенно очевидно, что здесь получила законченное концептуальное оформление тщательно отрефлектированная теоретическая позиция Сумарокова, ядром которой стала установка на национально ориентированную трансформацию множественных исходных фабул. Однако отсутствие точных данных о времени создания этого стихотворения (впервые оно было опубликовано в девятой части полного собрания сочинений Сумарокова в издании Н. И. Новикова) не позволяет считать его репрезентативным аргументом при обсуждении вопроса о приоритетах в разработке проблематики «склонения» на русской почве.

Гораздо бóльшую доказательную силу в этом смысле имеет притча *Вор* (I, XXIV), открывающаяся характерным предуведомлением:

⁴ С.А. Салова, *Притча А.П. Сумарокова*: Дисс. ... канд. филол. наук, Ленинград 1981, с. 61–80, 89–100; Ю.В. Стенник, *Традиции лафонтеновской басни в притчевом наследии А.П. Сумарокова*, [в:] *Творчество Жана Лафонтена и мировой литературный процесс: материалы Международной научной конференции «Первые Лафонтеновские чтения»*, 15 апреля 1995 года, Санкт-Петербург 1996, с. 33–41.

⁵ *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе ... Александра Петровича Сумарокова*. Ч. IX, Москва 1781, с. 354.

На Русску стать я Федра преврачу,
И Русским образом я Басню сплесть хочу⁶.

Единичность и уникальность заявления подобного рода в контексте первых книг сумароковских *Притчей* 1762 года никоим образом не отменяет, но, напротив, подчеркивает его программный и одновременно программирующий смысл. Более того, оно может быть истолковано как некий наиболее общий комментарий, разъяснивший функциональное предназначение целой совокупности, если не сказать системы, конкретных приемов, использованных Сумароковым для русификаторской переработки известных фавул. Успешному осуществлению процедуры их преобразования в притчи из русской жизни немало способствовало заполнение исходного текста деталями русского национального быта, а также прием, который можно условно обозначить как обнажение аллегории. Общеизвестная, отвлеченная семантика аллегорического образа актуализировалась при этом посредством дешифрующего сравнения и соотнесения его с теми или иными негативными, обличаемыми Сумароковым реалиями национального уклада жизни и современной ему русской действительности. Хрестоматийным примером такого уподобления может служить сумароковская версия всемирно известной басни Эзопа о лисице и терновнике. В притче *Лисица и Терновной куст* (II, XX), описывающей мошеннические проделки плутоватой лисицы, произошло заметное смещение идейно-смысловых акцентов в сторону язвительной и беспощадной критики ненавистного Сумарокову «крапивного семени» подьячих:

Лиса машейничать обыкла,
И в плутни вникла;
Науку воровства всю знает наизусть,
Как сын собачий,
Науку о крючках,
А попросту бессовестной подьячий.
Лисице ягоды прелестны на сучках,
И делает она в терновник лапой хватки,
Подобно как писец примается за взятки...⁷.

⁶ *Притчи Александра Сумарокова*, Санкт-Петербург 1762, Ч. IX, с. 33, Москва 1781, с. 354.

⁷ *Притчи Александра Сумарокова*, op. cit., с. 91.

Сходный механизм русификации Сумароков активировали в притче *Пир у Льва* (I, XVII), избличающей систему откупничества:

В покоях вонь у льва:
 Квартера такова.
 А львы живут не скудно;
 Так ето чудно.
 Подобны в чистоте жилищ они чухнам,
 Или посадским мужикам,
 Которья в торги умеренно вступили:
 И откупами нас еще не облупили,
 И вместо портупей имеют кушаки,
 А кратче так: торговли мужики⁸.

Достаточно широко в ранних притчах Сумарокова представлен также прием русификации матричной фабулы посредством гидронимов и географических индексов. Показательны в этом плане, к примеру, притчи *Осел во львовой коже* (II, III):

Богатства у нево великая река,
 Или ясной сказать, и Волга и Ока...⁹.

и *Дельфин и Невежа хвостун* (II, VIII):

Дельфин ево спросил: в Москве бывал ли ты,
 Во обиталищи девичей красоты?
 В рассказы всадник мой гораздо углубился,
 Москвы не знал,
 Однако о Москве вздыхая вспоминал,
 И говорит: он там со многими любился.
 Дельфин ево спросил: известна ли тебе
 В России Волга? да, я щастья там и боле
 В любви имел себе...
 Москвы сей город больше вдвое,
 А может быть и втрое...¹⁰.

Аналогичным образом, упоминание русских гидронимов надежно маркировало качественное переосмысление в притче Сумарокова *Осел и хозяин* (I, VI) идеологического содержания басни Лафонтена об осле, возмечтавшем занять место любимой хозяином маленькой

⁸ Там же, с. 26.

⁹ Там же, с. 69.

¹⁰ Там же, с. 77.

комнатной собачки. Русский поэт открыл свое стихотворение следующей национально конкретизированной моралью:

Всяк делай то, что с склонностию сходно,
Не то, что лишь угодно,
Но то, что сродно.
Не плавает медведь в Балтийской глубине,
Синица не несет в Неве яиц на дне... ¹¹.

Не вызывает сомнения, что стремление Сумарокова локализовать место действия притч, представив его в ареале национально-русских географических координат, продиктована убежденностью их автора в том, что только «привязанная к местности» притча окажется по-настоящему действенной и полезной. Предельным заострением такой русификаторской тактики стал придуманный самим Сумароковым сюжет притчи *Раненой* (II, XIX), где использовался прием темпоральной конкретизации действия, напрямую соотнесенного с таким знаменательным событием отечественной истории, как Полтавская битва:

Не басню я скажу, историю открою,
И притчу из нее сострою.
Когда Полтавска брань была,
И збили Шведов мы и с места и с дороги
Судьбина воину нещастье навела:
Пробили там из нас кому то ноги... ¹².

Но едва ли не самым безотказным и эффективным приемом русификации сюжета притчи и придания ей отчетливого национального колорита является, конечно же, включение в ее художественную ткань народных поговорок, пословиц, идиом и фразеологизмов. Примеры такого рода в двух книгах сумароковских *Притчей* 1762 года довольно многочисленны. Укажем лишь на те случаи, которые поддаются верификации и симметричны материалам из рукописных сборников пословиц XVIII века. Весьма выразительна в этом плане, к примеру, авторская сентенция в уже упоминавшейся выше притче *Пир у Льва* (I, XVII):

¹¹ Там же, с. 13-14.

¹² Там же, с. 90.

Коль истинной не можно отвечать
 Всево полезняе молчать¹³

которая является отчетливой параллелью к пословице «Лучше молчать нежели врать», зафиксированной в списке Пауса¹⁴. Наставление

Когда к воде придешь, отведай прежде броду;
 Ворвешься без того по самы уши в воду¹⁵

из притчи *Паук и Муха* (I, XLII) в смысловом плане абсолютно идентично народной мудрости, настоятельно рекомендующей «Не отведав броду, не мечись в воду» (сборник пословиц Большой Петровской галереи)¹⁶, «Не спрося броду, не суйся в воду» (собрание Богданова)¹⁷. Сумароковская ламентация «зляй нет на свете злой жены»¹⁸ в притче *Злая Жена и отчаянный Муж* (I, XXXI) апеллирует к общепринятому мнению «Злых всех злее злая жена», неоспоримость которого подтверждена анонимом, составившим сборник *Новости или пословицы всенароднейшия по алфавиту*¹⁹.

Не секрет, что баснописцы Нового времени, в том числе и Лафонтен, чьи басенные сюжеты активно осваивал Сумароков, тоже любили в своих сентенциях взывать к национальной мудрости, запечатленной в пословицах. Весьма характерно, однако, что между баснями с использованием пословиц у Лафонтена и притчами Сумарокова на тот же сюжет практически нет пересечений такого рода. Иначе говоря, русский поэт избегал использовать в своих стихотворениях паремийный материал, носивший иноязычный или инонациональный отпечаток. Не приходится сомневаться, что Сумароков достаточно ясно осознавал мощнейший русифицирующий потенциал пословиц, поэтому, перелагая Лафонтена, либо заменял французскую пословицу русской, либо вводил ее в изначально беспословичный текст, заметно корректируя при этом идейный смысл первоисточника.

Показательным примером для первого ряда случаев служит притча *Кошка* (I, VIII), восходящая к басне Лафонтена *La Chatte métamorphosée en Femme*. Оба автора сопроводили свои про-

¹³ Там же, с. 25.

¹⁴ *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков*, Москва, Ленинград 1961, с. 42.

¹⁵ *Притчи Александра Сумарокова*, op. cit., с. 48.

¹⁶ *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков*, op. cit., с. 31.

¹⁷ Там же, с. 101.

¹⁸ *Притчи Александра Сумарокова*, op. cit., с. 40.

¹⁹ *Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков*, op. cit., с. 105.

изведения сентенцией о силе естества и неодолимости природы. При этом буквальный смысл нравственного урока, преподанного Лафонтеном («Qu'on lui ferme la porte au nez, // Il reviendra par les fenêtres»)²⁰, в русском переводе можно истолковать следующим образом: «Если захлопнуть дверь перед самым носом природы, она вернется через окно». Сумароков же открыл свою притчу моралите

Привычку одолеть гораздо трудно,
Природу одолеть гораздо чудно²¹,

близким по значению к расхожей русской пословице «Привычка – другая природа», зафиксированной уже в сборнике Богданова²². Примеры пословичной русификации второго типа гораздо многочисленнее. Репрезентативна в этом плане притча Сумарокова *Река и Лужа* (II, XXIV), являющаяся переложением басни Лафонтена *Le Torrent et la Rivière*. Французский поэт завершил ее советом опасаться тихих людей («Les gens sans b ruit sont dangeureux // Il n'en est pas ainsi des autres...»)²³. Сумароков по-своему интерпретировал исходную фавулу и, как следствие, кардинально изменил этический смысл этого боязливое предостережения, сославшись на антиномичную по семантике русскую пословицу о безвредности лающей собаки:

От тихости никто злодейския не трусит:
Которой лает пес, не скоро тот укусит²⁴.

Продемонстрированное выше разнообразие тактических приемов, с помощью которых Сумароков русифицировал и актуализировал свои притчи, изданные в 1762 году, не оставляет сомнений в функциональной оправданности инновационной для русской словесности того времени стратегии, сознательно избранной поэтом с целью оказать непосредственное нравственное воздействие на соотечественников произведениями «полезного» жанра. Данная констатация призвана опровергнуть отдельные, излишне категоричные, на наш взгляд, суждения по этому поводу немецкого русиста И. Клейна в его недавно вышедшей книге *Русская литература в XVIII веке*. Трудно согласиться с мнением авторитетного исследователя безапел-

²⁰ Jean de la Fontaine, *Œuvres choisies*, Москва 1964, с. 71.

²¹ Притчи Александра Сумарокова, *op. cit.*, с. 15.

²² Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков, *op. cit.*, с. 107.

²³ Jean de la Fontaine, *Œuvres choisies*, *op. cit.*, с. 217.

²⁴ Притчи Александра Сумарокова, *op. cit.*, с. 99.

ляционно утверждающего, что для Сумарокова «основным в басне являлся не моральный урок, а художественная форма»²⁵, вследствие чего «вульгарный комизм сумароковских басен часто лишен всякой дидактической функции»²⁶. Столь тенденциозная точка зрения входит в явное противоречие с объективной оценкой высокой значимости сумароковских экспериментов в жанре притчи. Весьма существенно, что к процессу их русифицирования поэт подключил тот самый механизм, который в перспективе работал на формирование нового читателя, «предназначенного для «бесконфликтного», плавного-органичного освоения-усвоения «чужой» культуры»²⁷.

Русифицирующие эксперименты Сумарокова как автора *Притчей* лишь на первый взгляд кажутся тривиальными и изначально мотивированными конвенциональной природой басенного жанра, жизнеспособность которого обеспечивается возможностью множественных интерпретаций довольно ограниченного числа исходных фабул. Притчи Сумарокова позволяют судить о намерении поэта экстраполировать русификаторскую тактику на другие жанры того же иерархического уровня. Уникальна по своей репрезентативности в этом плане притча *Молодой Сатир* (II, XVIII), представляющая собой вольное переложение всемирно известной анакреонтической фабулы о неблагодарном амуре (купидоне), пронзившем любовной стрелой своего спасителя. Заметим попутно, что Сумароков специально обращался к ней и в одной из своих анакреонтических од. Важно подчеркнуть, что в обоих случаях поэт изменил временной и погодный антураж первоисточника, поместив своих персонажей в как нельзя более русскую обстановку морозной, студеной зимы. Весьма симптоматично при этом, что, если в небольшой по объему анакреонтической оде сезонные координаты действия лишь едва намечены («Во мразныя минуты // Сын дочери Сатурна // Озяб он и чудь он дышет...»)²⁸, то в притче словесный мотив мороза не только семантизирован в детальных подробностях, но, можно сказать, визуально «натурализован» в пульсирующих, сбивчивых перепадах ритмического рисунка:

Изяб младой Сатир,
И мнит оставить мир;

²⁵ И. Клейн, *Русская литература в XVIII веке*, Москва 2010, с. 175.

²⁶ Там же, с. 179.

²⁷ В.Н. Топоров, «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения..., с. 107.

²⁸ *Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе... Александра Петровича Сумарокова*. Ч. II, Москва 1781, с. 225.

Не лъзя с морозом издеваться.
Куда от стужи той деваться?
Дрожит,
Бежит,
И как безумной рыщет,
Согреться места ищет,
Найти себе наслег...²⁹.

Вряд ли есть необходимость пояснять, что обыгрываемый в процитированных выше разножанровых стихотворениях мотив русского мороза отличался той ярко выраженной национальной колоритностью, той намеренно акцентированной эмблематической характерностью, что получили законченное программное оформление в упоминавшейся ранее притче *Змея и мужик*? Настойчиво стремящийся придать жанрам новой русской литературы национальную узнаваемость и идентичность, Сумароков осваивал «чужую» культуру и развивал на ее основе «свою» версию культуры собственной, которая, как справедливо утверждал В. Н. Топоров, «в этих условиях ее рождения уже не может не тяготеть к культуре открытого типа»³⁰.

Притчевое наследие Сумарокова выявило настойчивую интенцию поэта распространить апробированную им достаточно стройную систему приемов русифицирования на другие жанры того же иерархического уровня. Выработанная им стратегия перекодировки «чужого» материала, на наш взгляд, дает полное основание признать приоритет Сумарокова, пусть не надолго, но все же опередившего В. И. Лукина в художественной практике «склонения». Не исключаем в связи с этим возможность того, что теоретик «новой драмы» экстраполировал на отечественную комедиографию не только опыт датского писателя Л. Гольберга, но и предварительно тщательно отрефлексированные творческие наработки Сумарокова в жанре притчи. Вполне вероятно, что именно здесь кроется один из истоков затяжной, хотя и неявной полемики между Лукиным и Сумароковым, интригующие перипетии которой должны стать предметом специально-го и всестороннего исследования.

²⁹ Притчи Александра Сумарокова, *op. cit.*, с. 89.

³⁰ В.Н. Топоров, «Склонение на русские нравы» с семиотической точки зрения..., *op. cit.*, с. 107.

SUMMARY

**“Native” into “alien”: the phenomenon
of “sklonenie na russkie nrawy” in A. P. Sumarokov’s parables**

The article is devoted to the phenomenon of “sklonenie na russkie nrawy” in A. P. Sumarokov’s two books *Prytchy* (1762). The system of methods used by Sumarokov for the russification of traditional fables is described; the poet’s intentions to extrapolate the same tactics on other genres, the genre of anacreontic ode inclusive, has been defined. Sumarokov’s artistic experiments are looked upon as his anticipating the “new drama” theory formulated by V. I. Lukin.